

RU

Образ Прекрасной Дамы в стихотворении Саши Черного «Дитя»

Жиркова М. А.

Аннотация. В статье представлен анализ стихотворения Саши Черного «Дитя», созданного в Риме и опубликованного позднее в парижской «Русской газете» в 1925 г. В центре стихотворения описание одного дня, проведенного лирическим героем в игре с маленькой итальянской девочкой. Цель данной работы – определить особенности изображения образа ребенка в стихотворении «Дитя». Научная новизна заключается в том, что впервые образ лирического героя и маленькой героини в стихотворении Саши Черного соотнесен с литературными традициями средневекового рыцарского романа. Полученные результаты показали, что в стихотворении присутствует отсылка не только к средневековой рыцарской культуре, но и к Серебряному веку с его культом Прекрасной Дамы. Идеалу «женственности» Серебряного века, олицетворяющему Красоту в этом мире и дарующему гармонию, не уходя в мистику и богословие, Саша Черный противопоставляет и утверждает идеал «детскости». Именно такой идеал вызывает поэтическое вдохновение, спасает от враждебного мира, дарует высокую цель и смысл жизни.

EN

The image of the Beautiful Lady in Sasha Chorny's poem "The Child"

M. A. Zhirkova

Abstract. The article presents an analysis of Sasha Chorny's poem "The Child," written in Rome and later published in the Parisian Russian Gazette in 1925. At the center of the poem is the depiction of a single day spent by the lyrical protagonist playing with a little Italian girl. The purpose of this study is to identify the distinctive features of the child's image as portrayed in "The Child." The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, the images of the lyrical hero and the little heroine in Sasha Chorny's poem are correlated with the literary traditions of the medieval chivalric romance. The results demonstrate that the poem contains allusions not only to medieval chivalric culture but also to the Silver Age with its cult of the Beautiful Lady. Against the Silver Age ideal of "femininity," which personifies Beauty in this world and bestows harmony without delving into mysticism and theology, Sasha Chorny opposes and affirms the ideal of "child-likeness." It is precisely this ideal that inspires poetic creativity, protects from a hostile world, and grants a high purpose and meaning to life.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена вниманием современной науки к литературе русского зарубежья, в частности к творчеству Саши Черного, интерес к которому заметно вырос в настоящее время. Отметим последние работы, посвященные поэту-сатирику: защищена диссертация В. Ю. Свиридова «Сатирическая поэзия русского зарубежья 1920-1925 гг.: образы и мотивы» (2024), материалом которой стали в т. ч. сатирические произведения Саши Черного, созданные в эмиграции; в научный оборот вводятся архивные материалы, которые открывают новые поэтические тексты и письма поэта (Карпов, 2024); автором данной статьи на протяжении ряда лет ведется работа по изучению творчества поэта, одной из последних стала публикация, посвященная произведениям Саши Черного для детей в оценке эмигрантской критики (Жиркова, 2024).

Известный в России поэт-сатирик Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг, 1880-1932) покинул родину в августе 1918 г., став одним из многих русских эмигрантов первой волны. Условно творчество поэта в эмиграции можно разделить на четыре периода, определенных его жизнью в разных странах: 1) литовский: Вильно, Ковно (1918-1920); 2) германский: Берлин (1920-1923); 3) итальянский: Рим (1923-1924); 4) французский: Париж / Прованс (1924-1932). Наиболее активными в творческом плане являются германский и французский периоды, тогда как итальянский оказался более сложным и из-за политической ситуации – зарождения в стране фашизма и установления режима Муссолини, – и из-за творческой изоляции – отсутствия русских

издательств (Жиркова, 2014, с. 50). Созданные в Италии произведения публикуются позднее, в основном во Франции. Берлинский период оказался наиболее изученным, так, в 2019 г. защищена докторская диссертация С. С. Жданова «Пространство Германии в русской словесности конца 18 – начала 20 века», в которой рассматривается изображение Германии в творчестве Саши Черного и других авторов. Итальянский и французский периоды в настоящее время остаются малоисследованными, что определяет научную новизну нашей работы.

Задачи исследования:

- 1) изучить воспоминания о пребывании поэта в Италии;
- 2) выявить основные мотивы и образы в стихотворении Саши Черного «Дитя»;
- 3) соотнести образы лирического героя и маленькой героини с литературными традициями средневекового рыцарского романа и идеалом Прекрасной Дамы поэзии Серебряного века.

Материалом исследования является стихотворение Саши Черного «Дитя», в настоящей работе все цитаты оформлены по 5-томному собранию сочинений Саши Черного, подготовленного А. С. Ивановым:

- Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 2. Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917-1932.

К исследованию привлекались воспоминания жены поэта и его современников:

- Андреева В. Л. Эхо прошлого. М.: Совет. писатель, 1986;
- Врангель Л. Ла-Фавьер // Возрождение. Париж. 1954. № 34;
- Гликберг М. И. Из мемуаров / подгот. к публ. и вступ. ст. Л. А. Спиридоновой // Российский литературоведческий журнал. 1993. № 2;
- Пправе В. Воспоминания о Саше Черном: <http://cherny-sasha.lit-info.ru/cherny-sasha/articles/prave-vozpominaniya.htm>.

Исследовательскими методами послужили метод целостного анализа, с помощью которого рассмотрены особенности изображения образа ребенка и выявлены литературные традиции и аллюзии; биографический, который позволил обратиться к воспоминаниям современников и говорить о прототипе главной героини стихотворения; культурно-исторический подход, который способствовал соотнесению сюжета и образов стихотворения с образом Прекрасной Дамы куртуазного рыцарского романа эпохи средневековья и поэзии Серебряного века.

Теоретической базой стали статьи и монографии, посвященные представлению о любви в средневековой литературе (Батурин, Полищук, 2008; Бурова, Чжан, 2017; Найман. 1979; Чернышева, 2004), освоению русской литературой куртуазной литературы, поэзии Данте и Петрарки (Ефимова, 2021; Панова, 2019; Полонский, 2015), стиховедческий анализ опирается на работу М. Гаспарова (2012).

Практическая значимость заключается в возможности использовать предложенные материалы в курсе изучения литературы русского зарубежья и поэзии XX века, в специализированных курсах по анализу русской поэзии.

Обсуждение и результаты

Образ итальянской девочки в стихотворении Саши Черного

Когда-то К. И. Чуковский (1996) заметил, что у Саши Черного есть стихи о любви, правда, это только одно стихотворение – «Мой роман» (Париж, 1927), обращенное к трехлетнему ребенку, певучее, лиричное и нежное. Согласимся с такой оценкой критика, но добавим: очень близко по сюжету, интонации и чувствам еще одно, более раннее – «Дитя» (Рим, 1924).

В 1923-1924 гг. поэт жил в Италии, в Риме. Вдова писателя Леонида Андреева, Анна Ильинична, пригласила жену Саши Черного к своим детям в качестве домашней учительницы. Стихотворение «Дитя» представляет собой эпизод из римского периода жизни поэта: его знакомство и общение с итальянской девочкой. Оно, по-видимому, имеет реальную основу. В воспоминаниях Веры Леонидовны Андреевой (1986, с. 206) сохранился образ поэта в общении с соседской девочкой. О прогулках с Сашей Черным рассказывает В. Г. Островская-Пправе: «Если мы шли без цели, просто гулять, то А. М. брал с нами маленькую итальянскую девочку Розу. О ней он написал не одно прелестное стихотворенье. Это было очаровательное 4-х летнее создание, блондинка с огромными синими глазами и лицом Мадонны» (Пправе). Сложно сказать, о каких стихах упоминает В. Г. Пправе, находясь в Италии, Саша Черный мало издавался. Образ маленькой Розы, возможно, отразился в рождественском стихотворении «Белое чудо», созданном в Риме в 1923 г. и опубликованном позднее в парижской газете «Последние новости» 25 декабря 1925 г. В нем присутствует ребенок, зовущий лирического героя в сад. Примечательно, как назван маленький герой этого стихотворения – «дитя» («И дитя в саду взывает») – без какого-либо обозначения пола, возраста и наделения именем. Анализируемое нами стихотворение, также написано в Риме в 1924 г. и опубликовано в то же время – 25 декабря 1925 г. в другом парижском периодическом издании – «Русской газете». Предположим, что героиней этих двух стихотворений – «Белое чудо» и «Дитя» – является одна и та же итальянская девочка, соседка поэта.

Стихотворение «Дитя» состоит из десяти 16-тистрочных строф и заключительной одиннадцатой, включающей 32 стиха. Композиционно оно делится на три части: вступление (1-ая строфа) – описание жаркого дня и сонного дворика, центральная часть – появление девочки, игра с ней (2-8 строфы) и заключительная – возвращение отца, девочка в кругу семьи, ужин и погружение в сон (9-11 строфы). Стихотворение представляет один день из жизни лирического героя и его маленькой соседки.

Главная героиня не сразу появляется в стихотворении. Поэт создает для нее сначала художественный мир через пейзаж знойного дня, замкнутое пространство уютного итальянского дворика с узорчатой оградой, яркими красками цветущего олеандра. Пространство разворачивается от горизонтали к вертикали: вверх, к небу. Там, вверху, в мареве раскаленного солнца, яркость красок, наоборот, приглушена: небо – *поблекший* василек, листья пальмы *пыльно-зеленые* (выделения курсивом принадлежат автору данной статьи. – М. Ж.). Мир погружен в сонную тишину и кажется застывшей картинкой. Главными образами и мотивами здесь будут солнце, зной, сон, тишина. В первой строфе почти нет глаголов (6 против 23 существительных).

Только когда спадает жара, двор оживает. Первыми сонную тишину нарушают звуки:

В белом домике у входа
Подымается возня.
Мать поет свою канцону,
Словно рот полощет песней (Черный, 1996, с. 186).

Сон и тишина сменяются песней, детским голосом, смехом. Голос девочки «вьется резвым жеребенком» (Черный, 1996, с. 186); в таком сравнении переданы легкость, игривость, непоседливость ребенка, с пения она быстро переключается на смех: «И фонтаном зыбким смеха / Всколыхнет оживший двор» (Черный, 1996, с. 186).

Пение и смех маленькой девочки оживляет сонный дворик, пробуждает от дневного сна ее обитателей. С описанием ее голоса связаны глаголы движения, которое убыстрятся к концу строфы: голос *вьется*, *остановится* внезапно, смехом *всколыхнет*, *прилетит* в ответ.

Портрет главной героини стихотворения появляется в третьей строфе. Она представлена через отдельные детали:

Над безмолвной низкой дверью
Ветром вздуло занавеску.
Из таинственного мрака
Показался кулачок. <...>

Сгибы ножек под коленкой
Сочной ниточкой темнеют,
А глаза, лесные птицы,
Окунулись в небеса (Черный, 1996, с. 186).

Портрет девочки набросан штрихами: маленький кофейно-пухлый кулачок, смуглые ножки, чуть позже добавятся темно-бронзовые кудри. Можно вспомнить про огромные синие глаза девочки из воспоминаний В. Г. Праве, возникает ощущение зеркального отражения или переключки: небо в глазах девочки и, наоборот, яркое итальянское небо цвета ее глаз.

О себе сказана лишь одна фраза («Книжку старую отбросив...» (Черный, 1996, с. 186)), которая чуть-чуть приоткрывает мир героя – это литература, книги, но они обесцениваются рядом с этим живым воплощением жизни. Так, в художественное пространство стихотворения входит лирический герой, он пока занимает позицию наблюдателя: мы видим девочку его глазами, в которых нежность и любовь, умиление и улыбка. Вот она появляется сначала в проеме двери своего дома:

Деловито отдуваясь,
Притащила табуретку,
Взгромоздилась и застыла,
Отдыхая от жары.

Присаживается, правда, ненадолго:
Из окошка крикнешь: «Роза!»
И лукавою свирелью
Прилетит в ответ: «Синьор?» (Черный, 1996, с. 186).

В четвертой строфе наблюдается выход за пределы дворика: за оградой слышны голоса уличных торговцев.

Во дворе рядом с девочкой пристроился худой и драный рыжий кот, который крутится потом с ней весь остаток дня, становясь невольным участником игр. А самое главное – это подмеченное поэтом совпадение чувств хвостатого создания и лирического героя:

И душе моей казалось,
Что в зрачках бродячих зверя
В этот миг блаженно млели
Искры рыцарской любви (Черный, 1996, с. 187).

В таком представлении образа рыжего кота обозначены чувства и самого лирического героя: рыцарское преклонение, преданность и служение Прекрасной Даме, которая всего лишь маленькая трехлетняя итальянская девочка. В следующей строфе можно увидеть отсылки к средневековой культуре и рыцарству:

Жалюзи *цитом* поставив,
Словно в шапке-невидимке,
Я смотрю на это чудо,
Широко раскрыв глаза (Черный, 1996, с. 187).

Щит – часть рыцарских доспехов, защита его владельца; в стихотворении жалюзи выступают в роли щита и спасения от яркого итальянского солнца, а также скрывают стоящего за окном лирического героя. Он пока сторонний наблюдатель, за окном для него чужой мир, приютивший его на время. Знакомство с итальянской девочкой позволяет стать для нее, если не другом, то приятелем, участником ее детских игр.

Примечательно имя девочки – Роза, оно многократно звучит в тексте стихотворения (10 раз). Это один из популярных фитонимов в истории культуры, имеющий сложную символику, отсылающую к мифологии, христианству, средневековой истории и культуре, искусству различных эпох. Наиболее часто встречаются такие значения цветка розы, как любовь (во всех ее проявлениях: высокая, божественная, романтическая, чувственная), совершенная красота и гармония, жизненная энергия и поэтическое вдохновение (Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева и др. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2004. С. 418-420).

Далее в стихотворении не случайно звучит имя итальянского поэта эпохи Возрождения Петрарки. По воспоминаниям жены Саши Черного, Марии Ивановны Гликберг (1993), в Италии знакомству с Римом во многом помогли прогулки по городу в сопровождении знатока итальянской культуры и искусства Павла Павловича Муратова, поэта и историка Хасана Шахида Сураварди, профессора русской литературы и языка Римского университета Этторе Ло Гатто. Имя Петрарки, воспевавшего свою возлюбленную Лауру и прославившего ее в веках, сближает поэта в стремлении «воспеть» свою Прекрасную Даму, которую он противопоставляет идеальному, но все-таки «книжному» и легендарному образу возлюбленной Петрарки, которая меркнет рядом с ее живым воплощением:

Это радостное тельце,
Этот полный кубок жизни
Мне милей стихов Петрарки,
Слаще всех земных легенд... (Черный, 1996, с. 187).

Итальянский поэт образ своей возлюбленной передавал через сравнения с золотом и драгоценными камнями (Якушкина, 2008, с. 62), образ ребенка в стихотворении Саши Черного создается за счет многочисленных сравнений с природным миром: животными и растениями. Ассоциативно возникает образ птицы: девочку подкидывает вверх вернувшийся домой отец, и она раскидывает руки-крылья. Она игривая, как котенок или мышка, хрупкая и трогательная, как «мотылек на смуглых ножках», «распевающий цветок», «трех-летний одуванчик», но при этом непоседа: «резвый жеребенок», «ножки – быстрые газели», подвижная, как «беспечный ручеек». В создании главного образа своего стихотворения для поэта важна эмоциональная составляющая: в подборе таких сравнений и определений видно трепетное и нежное отношение к маленькому ребенку, который отвечает доверием, пускает в свой мир и готов считать взрослого «синьора» своим.

Возможно, в пятой строфе поэт воссоздает картину первого знакомства девочки с новым соседом, который боялся ее спугнуть («На крыльцо я тихо вышел») и все-таки, похоже, появился неожиданно: кот спрятался, а табуретка покатила. Теперь героиня стихотворения рассматривает лирического героя:

Палец в рот и глазки вверх.
Долго, долго изучала
Незнакомое синьора, –
Оглушительно вздохнула
И улыбкой расцвела (Черный, 1996, с. 187).

Запечатлена непосредственность детского поведения, незнакомый синьор показался ей симпатичным, вызвал доверие, подтверждением этому служит улыбка девочки, можно обратить внимание на то, как она дана поэтом: «улыбкой *расцвела*» – выделенный глагол говорит о красоте девочки, она так же прекрасна, как и цветок в ее имени. В этих строчках соединяются и одобрительное восприятие девочкой появившегося во дворике соседа, и любование, восхищение лирического героя ею.

В центре стихотворения, как мы отметили, общение и игра лирического героя с маленькой соседкой. Они сначала вместе рисуют:

На обложке русской книги
Мы фонтан рисовали,
Рыбок с заячьими ртами,
Тигра с гривой до земли (Черный, 1996, с. 187).

Потом Роза танцует («Вон она кружит вдоль пальмы»). Чуть позже играют в знакомую, наверное, всем детям игру в магазин, где девочка берет на себя роль продавщицы. Возможно, игра подсказана проходящими в это время за оградой двора торговцами:

За цветущей оградой
Петухами распевают
То толстяк с гирляндой туфель,
То веселый зеленщик (Черный, 1996, с. 186).

Выкрики товаров весело повторяет Роза, а лирический герой выносит на тарелке «пухлый персик» и «душистый абрикос», но купить у него их так и не получится, поскольку товар съеден маленькой продавщицей.

Это нисколько не расстраивает незадачливого покупателя, а вызывает только улыбку умиления. В это время герой стихотворения погружен вместе с ребенком в их совместную игру, дарующую радость общения, ему важен и дорог детский мир. Примечательна в этом плане реплика в ответ на замечания матери девочке, по-видимому, вести себя тише и спокойнее:

Мать, белье с кустов снимая,
В сотый раз зывала: «Роза!»
Этих скучных пресных взрослых
Никогда я не приму...
Не хотите ль вы, синьора,
Чтоб трехлетний одуванчик,
Как солидный папский нунций
Чинно вел со мною речь? (Черный, 1996, с. 187).

Возвращение с работы отца прерывает игру. Позднее вместе с лирическим героем мы наблюдаем за семейным ужином и видим, как уснувшего ребенка уносят в постель:

Каждый вечер та же сцена:
Голова склонилась набок,
Темно-бронзовые кудри
Нависают на глаза.
Мать берет ее в охапку, –
Виснут ручки, виснут ножки,
И несет, как клад бесценный,
На прохладную постель (Черный, 1996, с. 189-190).

Девочка представлена в окружении любящей семьи, хотя лирическому герою удалось лишь прикоснуться к чужому семейному счастью, но игра и общение с маленькой девочкой спасает от одиночества в чужом для него мире. Заключительные строфы посвящены семье Розы, вечернему завершению дня и соотносятся с началом стихотворения, закольцовывая его мотивом сна.

В стиховедческом аспекте «Дитя» представляет белый стих с отказом от рифмы, но с четко выраженным интонационным рисунком. Стихотворение написано 4-х стопным хореем с особой ритмической закономерностью: обязательные ударные третий и седьмой слоги, тогда как в первой и третьей стопах допустим пропуск ударений и возникают, соответственно, стопы пиррихия; преобладание женских клаузул; чередуются 7-ми (усеченная стопа) и 8-ми сложные строки в стихе. Сохраняется напевная интонация стихотворения. М. Л. Гаспаров приводит такое мнение Н. Гумилева о связи стихотворного размера хорей с его смыслом: «Хорей, поднимающийся, окрыленный, всегда взволнован и то растроган, то смешлив, его область – пение» (2012, с. 3). Рассматривая в дальнейшем особенности звучания того или иного размера, ученый также обращает внимание на песенную традицию 4-х стопного хорей; это может быть песня любого содержания: веселая и грустная, возвышенная и шуточная (Гаспаров, 2012, с. 270). В стихотворении Саши Черного песенная интонация уравнивает безрифменность белого стиха. В стихотворении часто поют: мама девочки, голосок Розы тоже передается через звуковые и песенные категории («голос детский <...> вьется», «звенела, как беспечный ручеек», «Две-три ноты звонкой песни / Заменяют ей оркестр»), даже петухи «распевают», а сверчок «пилит на скрипке». Последние строки заключительной строфы звучат как колыбельная.

Традиции рыцарского романа и образ Прекрасной Дамы в стихотворении Саши Черного

Описание летнего дня и игры с ребенком в стихотворении Саши Черного предстает образом высокой, нежной и трепетной любви. Неслучайно возникает атмосфера средневекового рыцарства: поведение лирического героя – это служение Прекрасной Даме, поданное с иронией, но абсолютно искренне. Образ девочки условно соответствует куртуазному идеалу любви. Для рыцарского романа характерна идеализация возлюбленной: она прекрасна и недоступна, кроме этого, она добра, весела, общительна, искренна и естественна в своем поведении (Чернышева, 2004, с. 182). Рыцарский кодекс служения Прекрасной Даме предписывал выполнение ее желаний и заботу о ее развлечении (Чернышева, 2004, с. 192). В стихотворении Саши Черного воплощается образец рыцарского поведения. Можно обратить внимание на слово «куртуазный». В средневековой культуре речь идет о придворной аристократической жизни, и оно связано со значением «двор» как замок феодала; в стихотворении Саши Черного в итальянском *дворике* играют лирический герой и маленькая девочка. Традиционно присутствует дистанция между рыцарем и объектом его поклонения (она итальянская девочка и чужой ребенок), готовность на подвиги и жертвы (изрисованная книга, съеденные фрукты), сохраняется некая таинственность, загадочность девочки («из таинственного мрака»), ее идеализация («чудо»).

В рыцарских средневековых романах отразилось преклонение и служение своей возлюбленной, наделенной невероятной красотой и всевозможными добродетелями. Как отмечают современные исследователи: «Поведение куртуазного влюбленного моделировалось и по образцу поведения адепта религиозного культа, объектом которого становилась дама, и по образцу вассального служения. Вассальный долг побуждал рыцаря не только совершать подвиги во славу госпожи своего сердца, но и выполнять любые ее поручения» (Бурова, Чжан, 2017, с. 22). Стихотворение Саши Черного лишено религиозного наполнения, но отношение лирического

героя к маленькой девочке соответствует рыцарскому служению Прекрасной Даме. Образ лирического героя у поэта – это высокий образ рыцаря, готового на подвиги ради Прекрасной Дамы. В проявлении своих чувств раскрывается и он сам: это нежный, преданный и щедрый рыцарь, готовый исполнить любые просьбы, подчиниться во всем своей Даме, даже если это маленькая девочка.

Саша Черный – поэт, он принадлежит миру литературы, но превыше всего ставит ребенка. Высоко ценя свой мир, он готов все «бросить к ногам» маленькой девочки, ребенка, в данном случае свое творчество. Как отмечают исследователи, «рыцарь должен скрывать свое чувство, он может признаваться лишь в песнях. Чем сильнее и «правильнее» любовь, тем лучше песни, а плохое качество песен свидетельствует о неумении любить» (Батурич, Полищук, 2008, с. 17); «любовь к даме сердца должна облагораживать рыцаря. Она служила как бы полем для совершенствования его качеств как воина и как человека» (Батурич, Полищук, 2008, с. 19); «любовь к Даме становится источником беспредельного внутреннего совершенствования, которому призвано соответствовать и совершенствование самого искусства трубадура» (Найман, 1979, с. 8); «любовь не просто фигурирует в ряду атрибутивных рыцарских достоинств: выступая наградой за подвиги и искуплением за испытания, именно любовь действительно придает смысл всем подвигам и свершениям героя, которые неизменно посвящены Даме сердца» (Можейко, 2018, с. 128). Таким образом, рыцарская любовь является источником духовного совершенства, творческого вдохновения, наполняет жизнь смыслом. Саша Черный обратился к творчеству для детей еще в ранний дореволюционный период, но именно в эмиграции он сложился как крупный детский писатель и поэт, высоко оцененный современной ему критикой (Жиркова, 2024). Работа для детей стала одним из главных направлений творчества писателя в эмиграции.

В стихотворении, возможно, присутствует отсылка не только к средневековой рыцарской культуре, но и к Серебряному веку с его культом Прекрасной Дамы, мистической, загадочной, ускользающей, сложно сказать, заданная автором намеренно или возникающая ассоциативно у читателя. Сам культ Вечной Женственности, Прекрасной Дамы Серебряного века также тесным образом связан с литературой и культурой средневековья, поэзией Данте и Петрарки (Ефимова, 2021; Панова, 2019; Полонский, 2015). В дореволюционный период поэт шел своим путем, не увлекаясь современными ему «измами», выбрав путь сатирика. Возможно, в данном случае это одна из реплик в его эмигрантский период в адрес поэтов-современников и русского петраркизма, как пишет Л. Г. Панова: «петраркоманию как примету времени то осмеивал, то превозносил сатирик – Саша Черный французского периода» (2019, с. 29). Идеалу «женственности» Серебряного века, олицетворяющему Красоту в этом мире и дарующему гармонию, не уходя в мистику и богословие, Саша Черный противопоставляет и утверждает идеал «детскости»; любви и устремленности к неуловимой и таинственной Прекрасной Даме поэт противопоставляет любовь и радость общения, игры с живым, реальным ребенком. Это платоническая, целомудренная, скорее, отеческая любовь, которой поэт был лишен в реальной жизни и которую восполняет в своем творчестве. Можно обратиться к произведениям, опубликованным позднее, в них то же преклонение перед «своей принцессой» в стихотворении «Маленькому другу» (1925); то же трогательное, нежное чувство к маленькой героине стихотворения «Мой роман» (1927) (Жиркова, 2012, с. 20-28).

Еще в ранний сатириконский период в стихотворении «Больному» поэт обозначил спасительные «якоря», те, что могут удержать в жизни: «Есть горячее солнце, наивные дети / Драгоценная радость мелодий и книг». Такие жизненные идеалы остались у поэта до конца его дней, как писал А. С. Иванов: «Именно в мире малышей Саша Черный отыскал отраду и утешение, непосредственность и гармонию – все то, что чаял, но не мог найти в мире взрослых. Ибо душа маленького существа доверчиво повернута к радости, добру, ласке, любви...» (Иванов, 1996, с. 29). Показательны в этом плане воспоминания Л. С. Врангель о жизни Саши Черного в Провансе, во французском местечке Ла Фавьер, где поэту и его жене удалось построить свой дом. Людмила Сергеевна Врангель (урожденная Елпатьевская, 1878-1969), рассказывая о жизни русской колонии на юге Франции, пишет: «Саша Черный, известный поэт и беллетрист, был душой нашего общества, особенно наших детей, которые любили его и которых любил и он и им отдавал свои лучшие досуги. По вечерам, особенно, когда море поблескивало отблесками луны, на затихшем пляже собирались все дети около Саши Черного, жгли костры, жарили шашлыки, приправленные неиссякаемыми остроумными и художественными песенками и рассказами Саши Черного; дети вторили ему и пели смешные, веселые его песенки» (Врангель, 1954, с. 151). Как уже отмечалось, возможно, в последние годы жизни поэту удалось приблизиться к тому, к чему он стремился в своих произведениях, – к солнцу, покою, общению с детьми, ощущению радости бытия (Жиркова, 2012, с. 59).

Заключение

Таким образом, в ходе исследования мы пришли к следующим выводам. Стихотворение Саши Черного «Дитя» написано на реальной основе, его героиня имеет прототип, известный по воспоминаниям современников.

В стихотворении представлен образец высокой любви, соотносимый с рыцарским поклонением и служением Прекрасной Даме в культуре средневековья, только героиня его произведения – маленькая девочка. Чувства любви, умиления, радости от общения с ребенком наполняют и гармонизируют окружающий мир. Поэт эстетизирует реальность, возвышая и идеализируя свой объект поклонения, который можно противопоставить также идеалу Прекрасной Дамы, возникшему в куртуазной литературе эпохи средневековья и раннего Возрождения.

Идеалу Вечной женственности поэзии Серебряного века, образу Прекрасной Дамы поэт противопоставляет ребенка, «дитя» как главную ценность в этом мире. Маленькая героиня стихотворения наделена поэтом ангельскими чертами (пухлый кулачок, кудри, красота, чистота и невинность), образ ребенка идеализируется поэтом, вызывает поэтическое вдохновение, спасает от враждебного мира, дарует высокую цель и смысл жизни.

Образы детей являются ключевыми для поэзии Саши Черного. Впервые отдельные образы детей появляются в ранний, сатирический, дореволюционный период, они упоминаются или становятся главными лирическими персонажами его стихотворений, например, «Мы женили медвежонка» (1911), «Я конь, а колено – сидельце» (1911), «Костер» (1911) и др. В эмиграции поэзия и проза для детей – одно из главных направлений творчества Саши Черного, но и в его «взрослой» поэзии постоянно присутствует образ ребенка, например, «С приятелем» (1920), «Мираж» (1920), «Маленькому другу» (1925), «Мой роман» (1927), «Беспечный день» (1928) и др., а мотивы общей игры и сопричастность лирического героя миру детей становятся ведущими.

Перспективами дальнейшего исследования нам видятся, во-первых, рассмотрение поэзии Саши Черного в контексте Серебряного века, во-вторых, изучение образа ребенка и мотивов, с ним связанных, в творчестве других поэтов, что позволит сделать вывод о значении детской тематики и приемов создания детских образов в поэзии.

Источники | References

1. Батулин А. П., Полищук Н. Д. Рыцарский идеал женщины и любви в куртуазной культуре западноевропейского средневековья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 2.
2. Бурова И. И., Чжан Ц. Эволюция представлений о любви в западноевропейской лирике XII–XIV вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73): в 3 ч. Ч. 3.
3. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М.: Фортунa ЭЛ, 2012.
4. Ефимова М. С. А. А. Блок – читатель куртуазной литературы: о происхождении некоторых мотивов и образов в драме «Роза и Крест» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Филология. 2021. № 66. <https://doi.org/10.15382/sturIII202166.40-58>
5. Жданов С. С. Пространство Германии в русской словесности конца 18 – начала 20 века: дисс. ... д. филол. н. Томск, 2019.
6. Жиркова М. А. Публикации Саши Черного для детей в 1920–30-е гг. и оценка эмигрантской критикой // Art logos. 2024. № 1 (26).
7. Жиркова М. А. Саша Черный о детях и для детей. СПб.: Лемма, 2012.
8. Жиркова М. А. Эмиграция в жизни и творчестве Саши Черного: Германия-Италия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 2.
9. Иванов А. С. Оскорбленная любовь // Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 1. Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905–1916
10. Карпов Н. А. Материалы к изучению жизни и творчества Саши Черного (А. М. Гликберга) в архивах РГБ и РГАЛИ // EMIGRANTICA. Вып. 1 / ред.-сост. Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2024. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-423-457>
11. Можейко М. А. Любовь как награда за подвиг: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 4.
12. Найман А. Г. О поэзии трубадуров // Песни трубадуров / пер. А. Наймана. М.: Наука, 1979.
13. Панова Л. Г. Италиянься, русея; Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М.: РГГУ, 2019.
14. Полонский В. В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в.: опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. № 37.
15. Свиридов В. Ю. Сатирическая поэзия русского зарубежья 1920–1925 гг.: образы и мотивы: дисс. ... к. филол. н. М., 2024.
16. Чернышева Е. А. «Прекрасная Дама» в представлениях трубадуров, труверов, миннезингеров // Женщины в истории. Возможность быть увиденным: сборник научных статей / под ред. И. Р. Чекаловой. Минск: БГПУ, 2004. Вып. 3.
17. Чуковский К. И. Саша Черный // Черный Саша. Стихотворения. СПб.: Петербургский писатель, 1996.
18. Якушкина Т. В. Принципы изображения женской красоты в поэзии итальянских петраркистов XVI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Язык и литература. 2008. Вып. 1. Ч. II.

Информация об авторах | Author information

Жиркова Марина Анатольевна¹, к. филол. н., доц.

¹ Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Marina Anatolyevna Zhirkova¹, PhD

¹ Leningrad State University named after A. S. Pushkin

¹ manp@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.05.2025; опубликовано online (published online): 06.06.2025.

Ключевые слова (keywords): Саша Черный; литература русской эмиграции; лирический герой; образ ребенка; культ Прекрасной Дамы; Sasha Chorny; Russian émigré literature; lyrical hero; image of the child; cult of the Beautiful Lady.